

Александр Солженицын

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, ТОМ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

РАННЕЕ

В восемнадцатый том 30-томного собрания сочинений А. И. Солженицына вошли его повесть в стихах «Дороженька», неоконченная повесть «Люби революцию», стихи. Их публикации предпослано авторское пояснение: «Здесь помещены мои ранние произведения тюремно-лагерно-ссылных лет. Я складывал их в уме и нёс в памяти все лагерные года, не доверяя бумаге. Они были моим дыханием и жизнью тогда. Помогли мне выстоять». Тексты снабжены обширными комментариями.

АЛЕКСАНДР

СОЛЖЕНИЦЫН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

РАННЕЕ

Здесь помещены мои произведения
торжественно - лауреатно - славных лет.

Я складывал их в чуче и кёс в памяти
все лауреатные годы, не доверил бумаге.

Они были моим ذخанием и жизнью
тогда. Памяти мне высветит.

А. Сафранкин
2004

ДОРОЖЕНЬКА

ПОВЕСТЬ В СТИХАХ

ЗАРОЖДЕНИЕ

Чернеют вышки очерком знакомым.
От вышки к вышке день сочится над державою.
От зоны к зоне звонами подъёмов
Задолго до свету ликуют рельсы ржавые.
Похлёбка с рыбкой кошачьей, мучная затирка.
В прохуженном, пролатанном томительный развод.
Идут работать лагеря! И наша каторга
Четырежды клеймённая идёт.
Так будет год. И десять так. И так же двадцать пять.
Всё то же самое. Опять. Опять.
Обыскивать. Считать. Обыскивать. Считать.
Запастся за спину, покорные, по пять,
Бушлаты чёрные, вступаем меж тулупов,
Как медных статуй в отблесках кострового огня,
И, спины сгорбивши, глаза потупив,
Идём, как будто бы кого-то хороня.
Да каждый день и хоронят кого-нибудь —
На палец бирку голому. Для верности — прокол
штыка...
Заря.
И — день.
Жестоко-медленно катится солнце по небу,
Искрит о землю мёрзлую безсильная кирка.
Не будет, не было сверкающего мира!
Портянка в инее — повязкой у лица ¹¹,
О кашах спор да окрик бригадира, —
И — день, и — день, и — нет ему конца!
К закату стынет степь. Встаёт луна багровым диском.
Во тьме толкаемся, скользим, спешим к себе в загон,
Бригадами суровыми
Врываемся в столовую,
Где доходягу, лижущего миски,
Казнит презреньем лагерный закон.
Глотаешь жадно щи, не видя где ты, с кем ты, —
А через стол, в пару, над глиняной посудой,
То обнищалое лицо интеллигента,
То дистрофией обезволенная удаль.
Но тот, кто время здесь расчёл, — расчёл его неплохо.
Не обменяться словом нам, лишь только вздохом.
Опять, опять гудит над лагерем звонок.
Тебе в один барак, а мне в другой.
Проверка. Строем под замок.

Отбой.

Не кончено, не верь! — Я знаю, жду, но мне
Не победить, не разомкнуть ни на щель век усталых.

Едва уснём — *звонок!!* И в ослепительно
торжественной луне

Мы, как в плащах комических, выходим в одеялах.

Выходим клокоча, выходим проклиная,
До самых звёзд безжалостных всё вымерзло, всё
ярко, —

И вдруг из репродуктора, рыдая,
Наплывом нанесёт бетховенское *largo*.

Я вострепелюсь, едва его услышу,
Я обернусь к нему огрубевшим лицом, —
Кто и когда узнает и напишет
Об этом обо всём?

Со светлым пониманием, не в гневе —
И надобно *теперь* писать, теперь! Довлеет злоба днєви,
Но равнодушен день к минувшим дням.

Едва ворочаются мысли жерновами,
Чуть вспыхнет свет в душе по временам —
«Но и в *цепях* должны свершить мы сами
Тот круг, что боги очертили нам!»^[12]

Свой круг начну и я. И поведу — стихами:
Созвучной, мерной, может быть, сумею уберечь
Такой ценой открывшуюся речь!

Тогда напрасно вы по телу шарить станете —
Вот я. Весь — ваш. Ни клока, ни строки!
А к чуду Божьему, к неистребимой нашей памяти
Вы не дотянете палаческой руки!!!

Мой труд! Год за год ты со мной созреешь,
Год по году Владимиркой пройдёшь^[13],
Наступит день — не одного меня согреешь,
Не одного меня ознобом обоймёшь...

ВСТУПЛЕНИЕ

Где и когда это началось?..
Друг мой издавний, — когда?
Чистое стёклышко мира ребячьего,
Грозно дохнув, замутила беда?
Вспомним ли крест перепутья
Трудного,
Скрещенных прутьев
Над нами тень,
Ужаса безрассудного
Первый день?

Изредка нам проступали зримо
Знаменья страхов *потусторонних*^[4], —
Мы проходили вчуже, мимо,
Скрывши лицо в ладонях.
Слабым, хотелось нам просто
Забыть их,
Лад своей жизни оберегая,
Дом свой, уют свой, вещи —
Поступь
Событий
Зловещих
Минула, не задевая...

Так и теперь, когда стонами
Наша душа пролилась, —
Те, кого это не тронуло,
Думают ли о нас?..
Не слышать, имея уши,
Не видеть, глаза имея, —
Коровьего равнодушья
Что в тебе, Русь, страшнее?

ГЛАВА ПЕРВАЯ МАЛЬЧИКИ С ЛУНЫ

Странствовать!.. Ликует сок бродяжий!
Дорвались и мы с тобой до воли!
В двадцать лет — сопеть на крымском пляже?
Наша, наша! — бьётся на приколе —
Вёсла сложены, как связанные крылья,

Просится в полёт!

Водяной зеленоватой пылью
Обомшелую бударку обдаёт.
Первобытно раздувая городские ноздри,
Тянет с Волги свежестью, и остро
Побережье пахнет рыбой и смолой.
Хлеба — не купить. Припасено немножко
Сухарей у нас да пуда два картошки,
Высыпанной в ящик носовой.
Не щенки мы, нет! — как мореходы встарь,
В краску белую макая голый палец —
Уж давно продумано: «Волгарь —

Скиталец».

Ну, толкай! *Примат материи*, на слове не лови,
Всё же — Господи, благослови!..[15](#)

Звон и гуд... И тракторы рычат у перевозов,
Кони ржут, скрипят грузовики,
Сизо-масляна идёт вода с навозом,
И толкутся волны поперёк реки.
Густо-чёрный выстилая дым,
Буксирок, вцепившись неводным,
Тянет баржи две, как две скалы.
Двухэтажные, легки, белы,
Разминутся пароходы, радостно гудя.
И деревни целые — плотами
С избами, коровами, бельём и петухами
Медленно спускаются, реку загроздя.

А и в русле не одна дорожка:
Не гребём — течение выбивает
В мирную воложку,
В нераспуганную тишь
Рыба на-солнце серебряно взыграет,
Юркнет птица в островной камыш.

Изливает с неба синева.

Вёсла трепетные вывесим — и движемся едва.
Что-то дед смолённый ладит топором...
С ним малыш, две удочки забросил...
Нестерпимо брызжут серебром
И топор, и капли с наших вёсел...
И опять затягивает в стрежень.
И блеснёт едва повыше осоки
Уцелевшей церкви в глубине побережья
Крест — и серенькие куполки...

Вечер. Солнце западёт за берег горный,
И вода сгустеет в изумруд,
И огни зажгутся в белых знаках створных,
Шумы дня притихнут и замрут.
Отразятся с кручи в стынувшие воды
Скалы, обнажённые породы,
Купы лиственных и пики чёрные хвои, —
Бакенщик, старик рыжебородый,
Объезжает бакены свои.
И уж на ночь, только солнце сгаснет,
Водный путь отмечен столбовой —
Там, где *горный* берег — бакен красный,
И — зелёный там, где *луговой*.
Исчезают тени, и мягчеет небо.
Проступает точка первая Денеба^[6],
Все созвездья выводя изглубока.
Плёт утих. Ни лодки рыбака.
Осеньет Волгу только звёзд шатёр.
Ну, и нам на берег: сушняка
Подсобрать да развести костёр.
От костра всё сразу потемнеет —
Волга, небо, побережья глубь,
Мы — к огню плотней и ждём, пока поспеет
В котелке картошка или суп.
Из-под крышки сладкий пар клубится,
Зверь-костёр клыками сучья рвёт,
По воде прошлёпают неслышно плицы^[7],
Проскользит, сверкая, пароход
И, по тёмной глади бледным светом мрея,
В полноту беззвучной ночи канет...
В смуглых отсветах лицо Андрея,
Лоб его печаль пытливая туманит.
Внутренне сцеплённых выводов коварство

Вот не ждал, куда его направит! —

«Оглянись, Сергей, подумай.

Чувствуешь, как *давит*

На тебя, на всех нас — государство?»

Я смотрю на звёздный свод извечный,

Слышу вольный шорох всплесков в тишине

И от всей души, чистосердечно

Удивляюсь: «Давит? Государство? Не-е».

После гребли по телу приятная истома,

Что к краям — расплывчатей лицо освещено...

Как давно, дружище, мы знакомы,

Как давно!..

Помню твоей детской курточки вельвет,

Несогласие упрямое с немецкими глаголами,

Наши шахматные страсти, меж двумя

футболами.

Вместе нас кружил извивами весёлыми

От Байдар к Ливадии велосипед,

Подымал Военною-Грузинскою от Ларса.

Вместе аттестаты понесли в Универс'тет^[8],

И обоим нам ударил буйный свет

Гегеля и Маркса.

Математика. И физика. Но для души

Их священной строгости нам оказалось мало:

Подлинно, что точные науки — хороши,

Да не строгости, а счастья людям не достало.

И пошли на исторический в МИФЛИ,

Порешив, что с парой факультетов справимся,

И давно согласно к выводу пришли:

«Мы нам нравимся».

Как не нравиться, когда так чётко сведены

К стройным формам мир и человек?

Сколько нами дивных вечеров проведено

В мудрой тишине библиотек!

Сколько раз не хожено в кино!

Сколько жертвовано вечеринок!

Я безумец, я фанатик, — но —

Но Андрей мой — иннок.

В миллионном городе, в блистании огней,

Там, где вечер — лучшая пора,

В пять минут десятого ложится спать Андрей

И встаёт — чтоб думать — в пять утра.

Как по Канту время мерь —

он в шесть пройдёт по дворику

И вернётся записать, что понял
в утре чистом.

Хочет стать он, как и я, историком,
Но для этого ещё — экономистом.
Том за томом я гоню взаглот,
Я истерзан весь, я в спор нырну с наскока,
Взор застит восторженно слеза, —
Он мне тихо, мудростью Востока:
«Прежде, нежели открыть свой рот,
Друг, открой глаза!»

Это — то влечение, род недуга,
О котором написал поэт:
Книга, стол и мы друг против друга, —
Никого на свете больше нет!

Распадутся волосы-неулежни мои^[9]
Над лицом горячечным, но бледным,
Ближе — сходимся — яснеем — и! —
Запись отточённая о выводе последнем.
И не жаль обоим эту странную,
Без вина, без девушек сухую юность нашу...
...Вот и ужин! Ложки расписные деревянные
Мы вонзаем в ячевую кашу.

После ужина на сене в лодке мягко.
Лёгкой зыбью чуть вздымается корма.
Всю Историю — от нас до братьев Гракхов,
Высветил прожектор Марксова ума.
Маркс! — как меч, рубящий путаницу партий!
Не блуждать у Лейбница, у Юма, у Декарта,
Только-только вылупясь из жёлтеньких скорлуп,
Держим в клювах Истину и мечем взоры вглубь!
Есть закон движения! Другого Абсолюта
Нет! И как там было — сердобольно, круто,
Нравилось, не нравилось, — минует постепенно.
Всё пройдёт: Сената гнев и куриный плеск и пена.
Желчь упрёков, звон разящих слов
Не всплывут на высоту веков.
Воин Рим, бронёю перевитый!
Шаг Истории, не знающей пощады! —
Гордое отчаянье самнитов,
Умное безсилие Эллады,
Ярость Брута, Ганнибала гений —
Всё должно быть сметено и сбито,
Что само не станет на колени.

Dura lex, sed lex^[1]. Во всём закон.

Ничего, что б в сторону свернуло.
Ничего? И даже шут Нерон?^[10]
И кровавое захлёбыванье Суллы?
Фатализм! Эклектика! Неверно!..
...Но Андрей молчит и дышит мерно
В лад дремотным заплескам волны.
И спине тепло от дружеской спины.
За ночь иней нас покроет впробель.
Утром вспрыгнем, зубы бьёт ознобик,
И — бултых в синеющую воду!
Холодом озноб тот вышибить приятно!
И — бегом, в чём родила природа,
По камням! на взгорок! и обратно
На песок! поборемся! и в танец!
Дикарём разнузданным пляши,
Пока тело вызорит румянец,
Да ори! — всю Волгу полоши!
А теперь хватайся каждый за весло —
Оттолкнулись! Понесло!

Солнышко пригреет — не гребём, лежим.
Лодку сносит тихо, мы себе зубрим —
Снова диамат, латынь и древний Рим.
Купим яблок, тут их мерят на ведро,
И грызём, и дремлем... Всё б у нас добро,
Только ни брезента, ни плаща —
И на небо часто смотрим, трепеща.
От грозы, дождя мы беззащитны.
Как нам стал понятен первобытный
Ужас перед силою богов:
Только что покинули мы крыши
Наших равнодушных городов —
И уже иначе видим, слышим,
Туча наплывёт — мы сжались, мы не дышим,
Ветер кажется — злопамятный, живой,
«Завтра я...» — не скажем, верим в глаз дурной.
Завтра день — смотри ещё какой!..
На недели тучами затянет
Небо. Будет Волга холодна,
Заколышется, волною спорной станет
Глину выворачивать со дна.
Попадись тогда на волнобое!
Повернись бортом! —

Пляшет, мечется седое, водяное
То на этом, то на том!
Берег в брызгах. Чёрно дышат трубы.
Грязь на пристанях. И дождь — безугомонь.
Шутки грузчиков и ругань дерзко грубы,
Но и труд их стоит этой ругани.
Экую ворочают махину!
В сорок рук вздымают! Ну как рухнет?..
 «Э — э — эх, ду — би — на!..
 Ух — нем!!
Зелёная! Сама пойдёт! Сама пойдёт!
 Подёрнем! Подёрнем!»^[11]

Вымахали с покриком задорным —
Там, голубушка! — и с паром, хрипом, храпом
Сыпят, топают, валят на берег трапом.
Те мешки подкинули, те бочки катят ловко...
 Третьяковка??
Обогнали Англию в лебёдках, кранах, планах, —
Так откуда ж этих дьяволов-то рваных?!

Дождь и дождь. Уж нам не плыть сегодня.
Подгребаем к дебаркадеру под сходни —
Всё же крыша, хоть и брызжет из щелей —
И идём в черёд порыскать чаю.
Новодевичье в лаптях тебя встречает
И в азиях рваных Сенгилей.
Райпартпрос, Райком и Райкомол,
Райуполминзаг и Райзаготконтора.
И районный юродивый, полугол,
Смуглогрудый, клянчит у забора.
Чаю мне! — продрог на сумрачной воде.
Раймилиция. Райплан. И РайНКВД.
Мокнет «Правда» на витринке. С тёмно-хмурых
Сеет мелкий-мелкий дождь с небес.
Райтюрьма, Райсуд и Райпрокуратура,
Райсоцстрах, Райздрав и Райсобес.
Там, где, дети горя и отваги,
Бурлаки под бичевой тянулись в напряге, —
Закрывая полки голые, в Раймаге
Продают физическую карту... Африки...
На столбах бубнят колхозные частушки
Близ Райклуба громкоговорители,
Под забором рубят головы косушкам

Жители.

Нет теперь ни *кабаков* на Волге,

Ни *Николки* нет, ни *монополки*,^{12}

Ни в церквях колен не гнёт никто, —

«Эй, молодка!

Литру водки!

Два по двести!.. Три по сто!»

Пар одежд сырых и сизый дым махры,

Окна мутные, спиртовые пары.

Густо-густо вокруг некрашенных столов —

«Нам салатику! — вопят, рыдают, — огурцов!»

Вот охотник смяк, склоняясь к дробовику,

Ловит блох борзая под столом.

«Будьте так любезны! Дайте мне чайку!»

— «Ча-ай?? Не подаём!»

Над столами русский чин трисловьями порхает,

Лица смотрят масляно, слепо.

И режут «Златые горы», оглашая

Чайную Райпо.

И лохматый грузчик, мой сосед,

Дядя Миша, мужичина-глыба:

«Чаю зря ты, малый, просишь. Чаю нет.

На сто грамм перцовки».

— «Я не пью. Спасибо».

— «Ах, *культуриш руссиш!*.. Ну, кажи свой ум.

Ну, скажи, что водка — это *а-ти-ум...*»

— «Хвастать тоже нечем. Лёгкие и печень...»

— «Хо! Ты — тюря! Печень! Этим душу лечим!

К-комсомолец! Пожалел!.. А дать тебе винтовку,

Да — на вышку?..^{13} Ну, не зявься, выпей

стограммовку.

И мои б такие были... Пей, не брезгуй».

— «Где ж они?»

— «Сопрели. Под сосной карельской».

— «Отчего ж?»

— «А это очень просто мы:

В тундру высадили голыми да босыми,

Ну, а в тундре и волкам не рай.

Рыбу пальцами словить сумеешь — ешь.

Ягодку найдёшь дикую — собирай!

Хочешь если, так друг дружку режь.

Хочешь — помирай...»

— «Но простите, но за что же вас?»

— «Ты — с луны? *В тридцатом-то?*

Не знаешь, что да как?
Потому что был сочтён кулак,
Ну и... Ликвидировать. Как класс.
...Я за землю, парень, да за волю,
Да за эту грёбаную власть
Шёл на Колчака...
Землю дали — тёр, дурак, мозоли,
А они меня — ша-расть
В кулака!
Да кого ж она, земля, не богатит,
Если только вкалывать здоров?
Государство! Что ему претит,
Если у крестьян да по три пары лошадей?»

Юность верит. И она права.
...Но прошло-то года, слушай, *двадцать два*!
До каких же пор мы будем зря
Сваливать на бедного царя?
Зафиксируем: в раймаге — ни черта?
Это — нищета?
Тише! Тише! Склонность к выводам
поспешным.
Никакой прогресс не может быть безгрешным.
Отклоненья, исключенья — кто же говорит?
Ведь писал Истории законы не Эвклид!^{[14](#)}
Роят трудно, роят по-кротовьи,
А оглянись — и мир уже не тот.
Жестоко? Приходится и кровью
Заплатить за тяжкий путь вперёд.
Мы не только что не против —
мы оправдываем даже:
Ликвидировать? Конкретно — как? Куда ж их?
В тундру. В дикий лес.
Dura lex, sed lex.
Трудно мы живём. Дай время, будет лучше.
Внуки примут жизнь, не зная, как далась...

Вот и солнце прорвалось сквозь тучи,
И покорно Волга улеглась.
Так за вёсла твёрдою рукою!
Поплыли,
Где на двести вёрст Самарскою лукою

Волгу отшвырнули Жигули^{15}.

Сладость есть и в малом и в великом.

Между сосен, вперегонку, с перекриком

Вымахнуть, запыхавшись, на кручу! —

Тут раскинуться на выгретой, пахучей

И никем ещё не топтанной траве;

Отдаваясь тишине дремучей,

В небо жмуриться без мыслей в голове,

Никому и ничего не должен...

Жи-гу-ли!.. Какая-то в вас правда!..

Раздробилось зеркало в Заволжье

И застыло в озерах-бакалдах.

Нет течения! Плёсы недвижимы.

Близко дальнее, а крупное —

мало непостижимо.

С коробок от спичек — баржа на подчале.

Замерла ли? Тянут её таском?

Хоть заплачь от этой веющей печали!

Хоть христосуйся — такая в сердце Пасха!..

Мирный бор овершьями колышет,

Запахом смолы и солнца пышет.

Жёлто тлеют иглы в медном сосняке.

К югу, поверх сосен

Облачко относит

Медленно, в покойном высоке.

Под травой краснеет земляника,

И грибы столпились возле пней.

Разве в малом меньше, чем в великом,

Веской мудрости коротких наших дней?..

Через день взгляни на правый берег —

Сланец, скалами пластованный, белесый,

Стук стволов паденья, пил железный верезг,

Люди серые с лопатами, кирками

Горы облепили муравьями.

Экспаваторы, лебёдки, вагонетки,

Грохот, скрежет, и столбится едко

В лёгкие и в небо каменная мгла...

Это будет чудо Третьей Пятилетки —

Перемычка Волжского Узла.

О, грядущее переустройство мира!

Мы войдём в тебя наукой и умением!

...А кому кирку?.. Не из-под наших кирок

Пусть разбрызгиваются камни!
Привезут, найдут неученную рать, —
Что над этим голову ломать!
...Так мы плыли в гладком беззаботьи,
И, наверно б, нам на ум не вспало:
Что за люди там кишат в лохмотьях?
Что за люди бьют вручную скалы,
Катят тачки в гору по тропинкам? —
Сам, как глина, побуреет человек...

В невесёлом месте, в Красной Глинке¹¹⁶,
Мы однажды стали на ночлег.
Правый берег вскопан, взбугрен, бурый.
Штабелями досок и бревён,
Мусором, щебёнкой — левый завалён.
Перекатом Волга мчится хмуро.
Мы причалили, да плох нам выпал сон:
Выстрел. — Новый. — Очередь. — И ржавый
Звон от рельс на нашем берегу.
С фонарями в зарослях облава
Заплясала, заметалась на лугу.
Засветились пристань и бараки,
Шли моторки, воду Волги пеня...
Из моторок прыгали собаки,
Заливаясь в ярости и пене,
За собой вожатых мчали в темень,
Хрипло лаяли и обрывали привязь,
Кто-то выволок на берег пулемёт.
Словно в бой, с винтовками навывес,
Пробежал запыхавшийся взвод.
Не понять — война или охота?
Ладно, греемся; не трогают — и рады.
Вдруг у нас над самым ухом кто-то:
«Вот они! А ну, вставайте, гады!
Подымайтесь! Застрелю, заразы!»
Шутки плохи, тут не отлежаться.
Из-под одеяла высунулись разом —
Вислоухие испуганные зайцы:
— «Мы — туристы. Что вы к нам, товарищ?»
Но *товарищ* плюнул от обиды.
— «Хто? Туристы?? Шляются здесь, твари...
Чтобы я на Волге больше вас не видел!»
Перекошенный, разгорячённый,
Освещён недоброй дрожью света,

Пляшущую руку с пистолетом
Долго опускал он, огорчённый.

Их всю ночь ловили. С места заклятого
Мы ушли под утро, торопясь уплыть,
Чтоб не рвать, что в сердце дорогого.
Чтоб не думать. Чтобы позабыть.
Подымалось солнце над лугами.
Красное, в торжественной игре,
Жигули оно зажгло, как пламя,
Озарило мёртвые машины на горе,
Раздробилось радугой росяной через лес,
Багряницей разостлало водной глади скатерть, —
И вот тут-то вывернулся нам наперерез
Арестантский катер!

Он скользнул, едва нам нос не срезав,
И послал короткий частобой,
Он прошёл, как будто гром железа
Кандалов рассыпал за собой.
Бугорками волн взбелели волоконца,
Закипела, забурлила полоса реки —
Эти лица! лица, обернувшиеся к солнцу!
И с бортов — конвойные штыки.
Вот они, кто там кирками машут! —
Только нескольких и рассмотрели мы.
Кто они?.. За что их?.. Не расскажут...

Тихие, стояли у кормы.
Что-то было в лицах их заросших,
В складках, не черствеющих у глаз,
От чего пахло всем хорошим,
С детских лет несбывшимся повеяло на нас.
Оба без отцов, ведь мы и шли бродяжить
По краям родной неведомой земли,
Чтоб мужскую взвесить эту тяжесть,
От которой матери, солгав, уберегли.
Нас заметили. Переглянулись.
Может, вспомнили своих мальчишек-сыновей.

Чуть заметно
Вслед нам
Улыбнулись,
И у каждого по-своему взметнулось у бровей.

И — промчало катер. И Андрей в сомненьи

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.